

ЧИТАЯ
ЖУРНАЛЫ...НОВЫЙ
МИРЧингиз Айтматов. «И дольше
века длится день». Роман. «Но-
вый мир», № 11, 1980.

НОВЫЙ роман Чингиза Айтматова «И дольше века длится день», несомненно, относится к числу произведений, требующих от читателей определенных усилий, чтобы войти в них.

Каких же именно? В первую очередь поэтического воображения и философского, мировоззренческого подхода к реальной действительности.

«Войти» в роман — значит войти в особое время и пространство, существующие по законам, которые не стоит и пытаться объяснить с точки зрения обычных представлений. Об этом, в частности, предупреждает идея «парадокса времени», запрограммированная в строке Шекспира, которую назван роман. Но речь, догадываемся, идет не столько о «физическом», сколько о нравственно-философском восприятии времени.

Художественный мир, создаваемый писателем, — не статичная копия или модель внешней, видимой будто бы жизни, не мозаика остановленных мгновений ради запечатления их в определенных комбинациях.

Будь так, «день» был бы равен «дню». Здесь он «дольше века», ибо равен «истории».

В этом же мире вещная реальность в облике конкретных деталей и подробностей сегоднешнего быта вдруг сменяется легендой. А то и другое уступает место фантастике, уносящей воображение читателя в космос, чтобы затем снова вернуть его на землю... Согласимся: к такому переключению, чреватому «состоянием неземности», в котором неожиданно оказывается читатель, нужно привыкнуть.

В известном смысле войти в роман — оказаться в «машине времени». А почему бы нет? И не отвечает ли, таким образом, форма романа нашей насущной потребности переживать «эпическую действительность» в форме реальной жизни с ее изменчивостью ритмов, смелой впечатлений?.. (Другой разговор, что в текущей литературе похожих примеров как будто и не назовешь. Всякое открытие смущает,стораживает. Но лишь поначалу.)

Еще более осложняет дело эпиграф — строки армянского поэта X века Григора Нарекаци:

И книга эта —
вместо моего тела,
И слово это —
вместо души моей...
(«КНИГА СКОРБИ»)

«Слово» — не уточнение ли то жанра произведения, обозначенного как «роман»? Может быть. Но если и так, «слово» ни в коей мере не отменяет «эпоса». Напротив, углубляет и расширяет наше представление о природе жанра, об идейно-философских принципах, формах, масштабах, изобразительных средствах «эпоса нового времени», способного вмещать в себя диалектическую сложность всей жизни, историю, будущее в едином процессе бытия.

Художественный принцип творчества Айтматова — реальность фантастического и фантастичность реального.

Сам писатель говорит об этом так: «Фантастическое — это метафора жизни, позволяющая увидеть ее под новым, неожиданным углом зрения. Метафоры сделались особенно необходимыми в наш век не только из-за вторжения научно-технических свершений в область вчерашней фантастики, но скорее потому, что фантастичен мир, в котором мы живем...».

Как такое видение реализуется в «романе-слове»? Кому из своих героев писатель доверил труднейшую задачу выразить духовный образ «фантастическо-

ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАМЯТИ...

О новом романе Чингиза Айтматова

го мира» в чувствах, мыслях, поступках?

Буранный Едигей — имя главного героя романа — фронтовик, железнодорожник, волей случая заброшенный на небольшой разъезд посреди необозримых сарозекских степей. Но это лишь анкетные данные, не больше.

Принципиально важно иное: он — человек, один из тех, которыми, как говорится, земля держится.

Не случайно в предисловии к роману Айтматов с редкой публицистической прямотой пишет: «Образ Буранный Едигей — это мое отношение к коренному принципу социалистического реализма, главным объектом исследования которого был и остается человек труда». Принципиально и другое: труд, по Айтматову, — не средство существования, но прежде всего цель жизни человека, его призвание. «Буранный Едигей», — добавляет писатель, — не только труженик от природы и по роду занятий. Он человек трудолюбивой души. Человек трудолюбивой души будет задавать себе вопросы, на которые у других всегда есть готовый ответ, поэтому они лениво делают какое-то дело, даже когда делают его хорошо, и живут, только потребляя. Людей же трудолюбивой души будто соединяет некое братство — они всегда способны отличить один другого и понять, а если не понять, то задуматься. Наше время дает им столько пищи для размышлений, как никакое не давало никогда. Цепочка человеческой памяти уже тянется с Земли в космос».

Что требуется от читателя, чтобы неожиданно, как бы в первый раз проникнуть в значительный, символический смысл, казалось бы, столь привычной метафоры — человек, держащий землю? Увидеть живого, реального человека! И, может быть, в этот момент, забыв, что он читает книгу, найти себя. Так же, как нашел себя Едигей благодаря людям, с кем судьба сводила его на трудных перепутьях скитаний. И прежде всего благодаря Казангалу, со всей страстью неистребимо живущей в нем человечности откликнувшегося на беду Едигея. Так он обрел дом, работу. Казангал не только и не просто выручил человека в постигнувшем его несчастье. Он сделал неизмеримо и несравненно больше — вернул отчаявшемуся, павшему было духом, веру в жизнь, научил быть человеком.

Быть человеком, как понимать это писатель и его герои, — значит бесстрашно смотреть в глаза судьбе, принимать ее вызов и идти навстречу любой опасности, ибо победить слепую стихию, будь то море, война, жестокие бураны или застигнутая врасплох любовь, нет иного способа, как достоинство и воля человека, одухотворенного более высокой целью, чем личное благополучие. Испытать все это выпало на долю Буранный Едигей. Выдержал бы он такое, если б не думал, что «кому-то еще не слаще», что его судьба — не исключение? Связь Едигея с народом, с эпохой естественна, нерасторжима. Он не

ищет (да и не принял бы — большего оскорбления для него не придумать) каких-либо выгод для себя. И этим стихийным сознанием своей причастности к всеобщей судьбе он, воистину небедим. Иногда оно проявляется в слове: «Чтобы жить на сарозекских разъездах, надо дух иметь, а иначе сгинешь. Степь огромна, а человек невелик. Степь безучастна, ей все равно, худо ли, хорошо ли тебе, принимай ее такую, какая она есть, а человеку не все равно, что и как на свете, и терзается он, томится, кажется, что где-то в другом месте, среди других людей ему бы повезло, а тут он по ошибке судьбы... И оттого утрачивает он себя перед лицом великой неумолимой степи...».

Истинный человек, напротив, обретает себя перед лицом неумолимой вечности.

Урок Едигея, завещанный ему Казангалом, — урок духа, презирающего «молитвы» и отвергающего всяческие соблазны, которые заставили бы человека сомневаться перед выбором, кем быть — человеком или роботом.

Насколько серьезна подобная, кажущаяся на первый взгляд невероятной, альтернатива, можно судить по восторгу, с каким она заявляется: «А наступит время, когда с помощью радио будут управлять людьми, как теми автоматами. Вы понимаете — людьми, всеми поголовно, от мала до велика. Есть уже такие научные данные. Наука и этого добилась, исходя из высших интересов».

Самое опасное здесь не суть суждения: оно очевидно вульгарно. Страшно ликование, претензия бездуховности, античеловечности на самоутверждение в качестве истинно новой, суперсовременной личности. Именно личности! На меньшее Сабитжан — кстати, сын Казангала — не согласен. Сабитжан — самозванец, претендующий на звание «нового» человека. Уступая право думать за него, такой супермен раньше всего отрекается от памяти. Казалось, не может быть большего ужаса, чем тот, какой охватывал нас при чтении «легенды о манкурте» — от описания жесточайших пыток, изобретенных жуаньжуанями, чтобы отнять у человека память. Оказывается, может: Сабитжан — добровольный манкурт.

Разоблачая подобную философию лжелюдей, Чингиз Айтматов со всей страстью художника, исповедующего принципы социалистического реализма, утверждает подлинную человечность как основу и условие социального, духовного прогресса. В этом — мощный гуманистический пафос романа, непреходящая современность его идей и проблематики.

Тема памяти — чуткая нить, связующая времена. Но потому только, что она проходит через сердца людей, которые хранят ее и живут по законам духовного братства.

Память — это долг совести. Долг перед правдой в сей жизни, которую человек обязан понять во имя будущего. Понять — значит, по Айтматову, пережить душой. Правда же открывается в пронзительном свете молнии, а молния — жизнь на-

стоящего человека. Такой образ жизни возник в сказке о «белом пароходе». Чья жизнь является такой молнией, которой озаряется правда в реалистическом романе?

Неумолимая вечность, перед лицом которой стоит теперь Едигей, — жизнь и смерть Казангала.

Едигей понимает, как понимала это Толгонай, героиня «Материнского поля», что «есть, оказывается, у каждого слова свое время, когда оно ковокое, как раскаленное железо». Час «слова» пробил. Произнести его выпало на долю Едигея. Это его право и долг. Последнее, ибо обращено к немому праху того, кто был ему самым близким и дорогим на свете, это слово и первое, ибо обращено к живым людям, нынешним и завтрашним, кому он, Едигей, призван поведать историю жизни человека, кем «держалась земля».

Память о Казангале — и залог осуществления мечты, которую подарил Едигею его друг русский геолог Елизаров, нарисовавший ему «рай», каким когда-то была сарозекская степь. Разве не для того жил и грудился до кровавого пота такой человек, как Казангал, чтобы «рай» вернулся в мертвые пески?

Едигей — стихийный поэт. Он творит свой образ мира, исходя из доступного ему понимания законов человеческого бытия, строя его из метафор легенд и мифов, которые, запав однажды в душу, очнулись вдруг, заговорили прекрасным и мудрым языком поэзии.

Чингиз Айтматов, писатель, знает о таком поэтическом даре своего героя. Но он знает и больше. То, что Едигей только инстинктивно ощущает, о чем догадывается, к чему стремится, не всегда умея перевести на язык современных понятий, обязан сделать художник, мыслитель и философ, бесстрашно, как его герой, глядя в глаза неумолимой реальности.

Стиль романа — поэзия правды. Его отличают неповторимая интонация, лаконизм выражения и душевное благородство. В нем мы не найдем «громкого» слова. Выстраданная идея, чувство, выражающие здесь во внутреннем монологе героя, которому достоинство не позволяет срываться на крик. Светлая печаль, которую всякий раз переживает Едигей, слушая музыку, просвечивает сквозь все повествование. Внешне стиль романа разнится от прежних (ранних во всяком случае) вещей писателя тем, что страсть, как бы велика она ни была, не выходит на поверхность. Она включена в симфонию бытия. Но тем глубже и пронзительней она проникает в душу читателя, заставляя его думать наедине с собой. Несомненно, художественное мастерство Айтматова проявилось здесь с новой стороны, представило в новом качестве. Однако, думается, по той лишь причине, что романное мышление, которое мы, безусловно, предполагали в нем всегда, обрело теперь истинную форму.

...Заканчивая эти краткие заметки о романе Чингиза Айтматова, нельзя не поделиться парадоксальным ощущением, которое остается по его прочтении: сложности,стораживающей вначале, как не бывало. В чем тут дело? Впрочем, ответ можно найти у Белинского: «Чем выше поэт, т. е. чем общечеловеческое содержание его поэзии, тем проще его создания, так что читатель удивляется, как ему самому не вошло в голову создать что-нибудь подобное: ведь это так просто и легко!».

Мы познакомились с новым романом Чингиза Айтматова, романом сложным и простым одновременно, с романом давно ожидаемым и в то же время неожиданным, с романом, в котором день вмещает вечность.

Владимир КОРКИН